

Глава 3

“Мать-беспризорница”

Бедняжка вернулась на ненавистную ей кухню и, усевшись, не смогла сдержать слез, как только вспомнила о жестокости своих сестер.

“Золушка”

“Я так одинока. Я обречена на жизнь в затворничестве. Тишина оглушает. Я ограждаю себя от тьмы, но это не помогает. А теперь еще пустота смотрит мне в глаза... разверстая пасть бездны... нескончаемое чувство одиночества и ощущение неудачи. И как только я могу быть частью такой прекрасной и замечательной семьи — нет, только не я”.

Эту запись в дневнике вполне могла бы оставить и Золушка.

“Я ненавижу свое одиночество. Что со мной не так? Откуда это чувство отчаяния? Неужели Бог желает, чтобы я страдала, лишенная всякой мужской поддержки?”

Эти исполненные отчаяния слова были записаны в дамском ежедневнике. Анжела дала мне почитать свои записки, чтобы я могла лучше понять ее.

“Так тяжело быть одной. Как мне вернуться к жизни? О мое одинокое стареющее тело — любящее так безутешно и неразделенно — эта пустая оболочка, пытающаяся полюбить снова. Боже — как низко пали плоть/душа/дух. Я не хочу погибнуть! Я должна как-то скрепить свое разбитое сердце, чтобы оно снова могло биться”.

Глубина ее отчаяния ужасает.

“Я изо всех сил пытаюсь собрать разбитые части воедино, я буквально хватаюсь за все, что могло бы послужить для этого крепой”.

Написанные от руки слова как будто соскальзывали за край страницы. Анжела записывала, сколько алкоголя она выпивала каждый вечер, и по ее почерку можно было оценить степень

опьянения. Она была “матерью-беспризорницей” с пограничным расстройством личности.

“Беспризорница” отличается от других матерей с пограничным расстройством преобладающими чувствами беспомощности и безнадежности. Ей кажется, что она брошена на произвол судьбы посреди океана собственного отчаяния. Будучи деликатной натурой, она легко ранима, однако за ее хрупкой внешностью скрываются острые углы. Когда Анжела пребывает в расстроенных чувствах, ее слова могут ранить, как осколки стекла. Анжела изо всех сил пытается понять саму себя, свою жизнь и свое одиночество.

“Беспризорница” часто оказывается в роли жертвы и вызывает у окружающих сострадание и озабоченность. Она бывает общительной, однако может запросто обратиться против тех, в ком нуждается, повергая друзей и родственников в замешательство. “Беспризорница” проецирует собственные чувства беспомощности и незащитности на окружающих. Ее отвергнутые друзья нередко задаются вопросом: “И чем же я заслужил *такое* обращение?”

Анжела была матерью-одиночкой, которая то баловала своих детей, то забывала о них. Время от времени ее охватывали приступы депрессии, в течение которых дети чувствовали себя покинутыми матерью. Порочный круг депрессии и погружения в себя усиливал у нее ощущение неудачи и безнадежности. Анжеле казалось, что она недостойна любви своих детей.

Все люди с пограничным расстройством чувствуют, что они захлебываются в собственных эмоциях и ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. “Беспризорница” хватается за все, что угодно, что могло бы поддержать ее на плаву. Будучи травмированной в детстве вследствие грубого обращения, покинутости или пренебрежения, она прячет свой гнев за грустью. При недоброжелательном отношении к ней ее гнев может обрушиться на окружающих совершенно внезапно.

После смерти матери Анжела жила у тети с дядей, где она чувствовала себя нежеланной гостьей. Когда ей было 12 лет, дядя сексуально домогался ее. Чувство беспомощности подавляло ее, и она сбежала в мир фантазий. Книги погружали ее в вымышленные вселенные, где ей открывались такие же одинокие люди, как она сама, героини и герои, а также хорошие концовки. Подобно

многим “беспризорницам”, Анжела жила тайной воображаемой жизнью, в которую редко посвящала других. Для “беспризорницы” фантазия безопаснее настоящей жизни.

Одиночество, депрессия и отчаяние “беспризорниц” не знают экономических или исторических границ. Шарлотта Дюпон, вышедшая замуж за наследника семейства Дюпон, чье состояние было нажито на пороховом деле в XIX в., проявляла черты “беспризорницы” с пограничным расстройством [Mosley, 1980]. В ту эпоху природа ее душевного недуга еще не была известна, тем не менее, в ее поведении прослеживались характерные симптомы ПРЛ. 6 марта 1861 г. она написала своей тете письмо, которое потрясающим образом напоминает дневниковые записи Анжелы: “Ты ведь знаешь, я всегда так сильно не любила оставаться одной, а сейчас Фэнни, моя кузина, собирается уехать, и я останусь в полном одиночестве... мне так трудно это вынести, ведь я сильно завишу от компании” [Mosley, 1980, p. 52].

Страдание Шарлотты Дюпон почти физически ощущается в ее письме к другой родственнице: “Мне кажется, что я родилась в настолько непроницаемой тьме, что ни один луч света не может озарить ее — я продвигалась ощупью, но меня затянула трясина безнадежности, из которой нет выхода. Пусть другим повезет больше” [Mosley, 1980, p. 71]. Один из родственников описывал Шарлотту как “бабочку с жалом” [Mosley, 1980, p. 55]. Она бывала капризной, кокетливой, язвительной, грустной, взволнованной или погруженной в глубокое уныние. Она провоцировала ссоры с мужем, доходившие до рукоприкладства, в ходе которых она разбивала вазы, разрывала занавески, царапалась, пиналась и кусалась, после чего впадала в “ступор” [Mosley, 1980, p. 55].

У Шарлотты Дюпон было пятеро детей. Как и Анжела, она была любящей матерью и баловала своих детей, однако часто впадала в депрессию. В конце концов Шарлотту отправили в Филадельфийскую лечебницу для душевнобольных. После выписки оттуда она ненадолго вернулась домой, но вскоре отправилась в путешествие по Европе. Вернувшись в Америку, Шарлотта обнаружила, что гувернантка била ее детей. Уволив ее за такой проступок, Шарлотта бросилась рыдать от горя и сожаления и, не сумев совладать со своими чувствами, упала в обморок. Муж Шарлотты,

“стена и оплакивая ее пропащую душу” [Mosley, 1980, p. 73], отправил ее обратно в лечебницу, где она и скончалась 19 августа 1877 г.

Жизнь Шарлотты Дюпон трагична во многих отношениях, но горше всего для нее было то, что она не смогла защитить своих детей, отчего она впала в полнейшее отчаяние. Неспособная позаботиться о самой себе, отвергнутая состоятельным семейством, скорбящая по родственникам, погибшим в Гражданскую войну, Шарлотта Дюпон умерла, сломленная своим горем. Переживания из-за собственных неудач, отверженности и беспомощности полностью поглотили ее.

Преобладающее эмоциональное состояние “беспризорницы”: чувство беспомощности

Золушка послушалась, но заплакала, ведь ей тоже хотелось попасть на бал...

“Золушка”

Подобно бабочке, подхваченной порывом ветра, “беспризорница” не в силах выбрать направление или цель. В общении с другими людьми она порхает туда и сюда, однако ее отношениям недостает глубины. Иногда она ведет себя чересчур фривольно и, обольстив окружающих чрезмерной откровенностью, удаляется с безразличным видом. Случается, что она напрашивается на комплименты и отвергает их, добивается внимания, а затем уходит от него, сначала горько жалуется, а потом отказывается от помощи.

“Беспризорница” вселяет в окружающих чувство беспомощности. Бессознательно она нуждается в том, чтобы оставаться беспомощной, потому что только так она чувствует себя в безопасности. Одна моя пациентка как-то воскликнула: *“Я не могу нуждаться в вашей помощи и одновременно владеть собой!”* В этом болезненно откровенном высказывании выражен основной конфликт “беспризорницы”.

Противоречие “беспризорницы” заключается в том, что, принимая помощь, она теряет самообладание. “Беспризорница” — жертва, отвергающая помощь, а ее беспомощность — это защита

от близких отношений и потерь. С. Смит отмечала в биографии принцессы Дианы: “Диане было трудно предлагать помощь, в том числе, из-за того, что она была и ранимой, и опасливой одновременно. Она искала утешения, но в то же время отвергала все попытки утешить ее — особенно, если они исходили от Чарльза. Труднее всего было понять молчание Дианы, в котором чувствовался упрек, поскольку так выражалась ее неспособность рассказать о том, что же ее тревожит” [S. B. Smith, 1999, p. 120].

Раз за разом родственники бросают “беспризорнице” спасательный круг и остаются в растерянности, когда она кидает его обратно. Те, кто ее любит, стоят на берегу и недоумевают: она что, действительно хочет утонуть? Одна дочь “матери-беспризорницы” писала: “Грусть затыкает мне рот. Я просто не знаю, что сказать ей. Она моя мать. Конечно, я люблю ее. Я просто настолько, настолько устала от попыток спасти ее. Я едва могу спастись сама”.

Джоан Лачкар указывала, что когда люди с пограничным расстройством чувствуют себя недостойными хорошего отношения, они, как правило, замыкаются в одиночестве [Lachkar, 1992]. “Беспризорница” настолько подвержена депрессии и склонна к погружению в себя, что окружающие обыкновенно считают ее ненадежной и, временами, утомительной. Случается, что в периоды такого уединения она предается членовредительству или злоупотребляет психоактивными веществами. Ее саморазрушительное поведение, впрочем, не бросается в глаза. Если она и наносит себе повреждения, то ее шрамы, вероятнее всего, не видны. Если она уходит в запой, принимает наркотики, переедает или предается половой распущенности, то делает она это, скорее, не ради привлечения внимания, а просто потому, что она пала духом. Если ей хочется привлечь внимание, то она впадает в истерику.

“Беспризорница” не способна продумать последствия собственных решений. Она смотрит на себя как на бестолковую неудачницу и полностью зависит от одобрения окружающих. Она принимает безобидные замечания за критику, а тех, кто настроен по отношению к ней критически, она отвергает прежде, чем те сделают это сами.

Когда “беспризорнице” отказывают или покидают ее, она впадает в гнев и депрессию. Иногда она направляет свой гнев на детей или супруга, однако вину за свои несчастья она возлагает на себя. Ей кажется, что она проклята и обречена, что над ней довлеет злой

рок, а ее здоровье при этом оставляет желать лучшего. Поскольку ее самоуважение не покоится на прочном фундаменте, она не способна переносить даже незначительные ошибки, малейшие неудачи и легкие разочарования. Как указывает Дж. Мастерсон, “там, где здоровые мужчина или женщина сказали бы: “Что же, это одна из тех областей, где у меня не очень-то хорошо получается показать себя”, — ложная самость человека с пограничным расстройством заявляет: “Ты совершенно беспомощен и ни на что не годишься”” [Masterson, 1980, p. 80].

Обладая богатой фантазией, “беспризорница” ждет от отношений с мужчинами несбыточного и, таким образом, готовит почву для будущих разочарований. Анжела вышла замуж в 18 лет, пытаясь убежать от одиночества, которым была наполнена ее жизнь. Пережив насилие в детстве, она полагала, что безопаснее всего “брать, что можешь” и не ждать, пока тебя полюбят по-настоящему. В отношениях она отдавала слишком много и слишком быстро. Из-за своей отчаянной потребности в том, чтобы быть любимой, “беспризорница” позволяет мужчинам чересчур многое. Не исключено, что если мужчина уделит ей внимание, она не сумеет ему отказать, каким бы недоступным или непристойным он ни был. Из-за своей уязвимости она легко оказывается в роли жертвы. Она, возможно, будет явно или неявно соблазнять, либо же неправильно поймет знаки мужского внимания. “Беспризорница” — безнадежный романтик. Ее поступки вызывают у тех, кто ее любит, подавленность, раздражение и, временами, возмущение.

Внутреннее переживание “беспризорницы”: пребывание в роли жертвы

...ей приходилось делать всю работу, вставать до зари, носить воду, топить печку, стирать и готовить. К тому же, сестры изо всех сил старались досадить ей.

“Золушка”

Подобно Золушке, “беспризорница” научилась тому, что быть послушной — наилучший способ приспособиться к деспотичному

окружению. В детстве ей приходилось смиряться, находясь в безнадежном положении, и ее чувство безопасности оказалось парадоксальным образом связано со смирением.

Став взрослой, “беспризорница” смиряется с наихудшим возможным исходом еще до того, как он произошел. Иногда из-за этого риск оказаться в роли жертвы для нее только возрастает. В иных случаях ее реакция застаёт окружающих врасплох. Как-то раз, когда одна пациентка выходила из магазина, к ней подошел вооруженный мужчина и заявил, что он ее застрелит, если она не сядет с ним в его машину. Она презрительно ответила: “Слушай, если ты хочешь меня застрелить, то делай это прямо сейчас. Я с тобой никуда не пойду”. Ее ответ поразил мужчину, ожидавшего, что она со страху его послушается. Но вместо этого он сам испугался и убежал из магазина.

В другом случае пациентка пресекла драку между двумя мужчинами. Она встала между ними и сказала: “Извиняюсь, вам что, хочется, чтобы я вызвала полицию?” Один из мужчин посмотрел на нее в замешательстве и сказал: “Леди, да вы, должно быть, спятили!” Поскольку “беспризорница” считает своим долгом спасать окружающих, то она легко оказывается в роли жертвы, ибо чувство страха у нее ненадежно. Она считает себя неудачницей, которой нечего терять.

“Беспризорнице” трудно позаботиться о себе и своем имуществе, чем часто пользуются окружающие. Она кажется себе беспечной, несмотря на то, что ее интеллектуальные способности бывают намного выше среднего. Поскольку она слишком легко теряет самообладание, то у нее есть риск погибнуть насильственной смертью.

Ранимая натура “беспризорницы” побуждает окружающих проявлять заботу. Друзья и родственники пребывают в страхе за ее физическое состояние и зачастую тратят немало денег и душевных сил на ее поддержку. Их неизменно раздражает ее неспособность оградить себя от мошенников, неудач и болезней, которые можно было бы предотвратить. Ее неспособность позаботиться о себе морально подавляет детей.

Подобно многим “беспризорницам”, Анжела так и не научилась насыщать себя эмоционально, поэтому страдала от неправильного

питания. Переедание и прием слабительных отражали ее стыд и двойственное отношение к удовольствию. Она попросту не умела признавать и переносить положительные эмоции. Она была вынуждена отказываться от того, в чем нуждалась, чтобы защитить себя от разочарования — ведь она не могла потерять то, чего у нее не было.

“Беспризорнице” кажется, что безопаснее иметь меньше, а не больше — в этом она противоположна как “отшельнице”, которая копит, так и “королеве”, которая присваивает. “Беспризорница” довольствуется крошками и никогда не просит своего куска пирога, а если ей и предложат, то она категорически откажется. Она редко просит о том, чего хочет, но все же обижается, если ее нужды не находят удовлетворения.

Нерешительный характер “беспризорницы” явственно выдает ее уязвимость. Ей трудно говорить о своих потребностях, она прибегает к ненужным оправданиям, и ее легко смутить. Поскольку она не доверяет окружающим, то ей легче отождествлять себя не со взрослыми, а с детьми, с потерянными и брошенными животными, или же с жертвами преступников, стихийных бедствий и болезней.

Отличительные черты “матерей-беспризорниц”

Излишне пассивны и нестроги

“Беспризорница” — пассивная и нестрогая мать, которая не замечает, как присущее ей чувство беспомощности вредит ее детям. Одна “мать-беспризорница” купила своей дочери на пятнадцатилетие бочонок пива и позволила ей сесть за руль без водительского удостоверения. Дочь отказывалась помогать по дому, была исключена из школы за неуспеваемость и жила за счет скромного дохода своей матери. Мать, хотя и обижалась, но все же не могла понять, каким образом она сама позволяла дочери так себя вести.

Иногда слабохарактерность “беспризорницы” раздражает ее детей, но в иных случаях они пользуются этим в своих интересах. Дочь Анжелы жалела свою мать и брала на себя большую часть работы по дому. Сына же безответственное поведение матери раздражало, и он время от времени дерзил ей. Анжела терпела такое отношение, поскольку привыкла к дурному обращению.

Дети “беспризорницы” зачастую считают ее глупой, поскольку она позволяет дурное обращение по отношению к себе. В силу того, что такая мать легко оказывается в роли жертвы, ее дети, как правило, склонны к чрезмерной опеке и, возможно, они выберут себе профессии, связанные с помощью людям, такие как врач, социальный работник, психолог или психиатр. Ш. Ференци писал: “Если мать постоянно жалуется на невзгоды, то не исключено, что она воспитает из своего ребенка пожизненную няньку” [Ferenczi, 1980, p. 166]. Некоторые взрослые дети продолжают оказывать своим “матерям-беспризорницам” моральную или финансовую поддержку.

Иногда дети “беспризорницы” и сами оказываются в роли жертв. Случается, что из-за недальновидности такой матери дети подвергаются различным опасностям, как в силу недосмотра с ее стороны, так и в результате физического или сексуального насилия со стороны недобросовестных воспитателей. В периоды, когда мать эмоционально уходит в себя, возможны домашние происшествия или автомобильные аварии. Таким образом, безопасность детей “беспризорницы” зависит от их способности позаботиться о самих себе.

Недооценивают собственные способности, предпочитают работу ниже своей квалификации

“Беспризорница” считает себя бестолковой вне зависимости от собственного образования, ума или занимаемой должности. Она чувствует себя неудачницей — иногда это убеждение становится самосбывающимся. Ее склонность к недооценке собственных способностей отрицательно влияет на маленьких детей, которые еще не умеют отличать действительность от искаженных убеждений матери. Низкая самооценка “беспризорницы” довлеет над всеми областями ее жизни, отчего она считает себя неудачницей и как мать, и как жена, и как профессионал. Она значительно более умна и способна, чем сама о себе думает, но ей часто приходится трудиться на должности ниже своей квалификации.

“Беспризорниц” привлекает работа в области оказания помощи, поскольку они отождествляют себя со всеми обделенными судьбой, униженными и угнетенными. Как правило, они трудятся за идею, перерабатывая и получая низкую зарплату. Они часто чувствуют

себя привязанными к своей работе, отчего корпорации или компании, на которые они работают, нещадно их эксплуатируют.

Не исключено, что дети “беспризорниц” усвоят взгляды на себя как на недостаточно хороших и, в силу этого, будут недооценивать собственные способности. Сара, дочь Анжелы, хотела стать врачом, однако мать не позаботилась о кредите на образование. В старших классах Сара подрабатывала сиделкой в доме престарелых, а после поступила в школу медсестер. В некоторых случаях склонность “беспризорницы” работать ниже своей квалификации ограничивает ее финансовые возможности и лишает ее детей образовательных перспектив.

Склонны к хроническим или периодическим заболеваниям, часто посещают врачей, либо же вовсе пренебрегают своим здоровьем

Дети, принявшие на себя роль родителей, чувствуют себя в ответе за благополучие своей матери и подавляют собственные эмоциональные потребности. В других случаях дети обижаются из-за несамостоятельности матери. Сара постоянно тревожилась из-за нескончаемых жалоб матери на здоровье, в то время как Дэвид вырос грубым и раздражительным. Став взрослыми, дети “беспризорницы” либо эмоционально отстраняются от матери, либо же их поглощает тревога.

Старшая дочь Шарлотты Дюпон, Анна, зачастую принимала на себя роль опекуна над четырьмя своими братьями и сестрами. Когда муж Шарлотты узнал о смерти жены, с ним произошел инсульт, которого он не пережил, и дети внезапно осиротели. Не желая, чтобы их усыновили различные родственники, они взяли в руки оружие и отказались уходить из дома. Анне было всего 17 лет, когда ее родителей не стало, однако она настаивала на том, что она способна позаботиться о младших детях. И действительно, она оказалась достойной приемной матерью. Автор биографии Шарлотты Дюпон указывает: “Неблагоприятные обстоятельства, в которых росли дети, превратили их в маленький отряд, сплоченный общими страданиями и невзгодами” [Mosley, 1980, p. 80]. Дети “беспризорницы” учатся заботиться о самих себе, поскольку их мать изнемогла от жизни.

Используют наркотики, алкоголь, деньги, еду и/или секс для самоутешения

Иногда “беспризорница” борется с чувством беспомощности, прибегая к злоупотреблению наркотиками, алкоголем, денежными тратами, едой и/или сексом. В силу хронической потребности в снижении тревоги она подвержена различным зависимостям. Мышление в стиле “все или ничего” побуждает ее совершать опрометчивые поступки, от которых ее дети остаются в замешательстве.

Дети Анжелы были обеспокоены недалёковидностью матери и осуждали ее склонность соблазнять мужчин. Когда очередной мужчина склонял Анжелу к сексу или получал от нее деньги, ее сын-подросток едва мог сдержать свое раздражение. После того, как отношения заканчивались, Анжела погружалась в глубокую депрессию и была вынуждена бороться с мыслями о самоубийстве. В таких случаях сильнее всего тревожилась именно Сара, ее двенадцатилетняя дочь. Дэвид же сердился, его задевало то, что мать «была способна покончить с собой из-за “какого-то ублюдка” и совершенно не думала о нас, ее детях».

Некоторые “беспризорницы” соблазняют неосознанно, в то время как другие избегают малейших намеков на сексуальность в общении с мужчинами. Шарлотту Дюпон считали соблазнительной кокеткой, «пока не поняли, что ее настроение могло внезапно меняться. Сначала она капризничала, потом обвиняла, и, в конце концов, исходила ядовитыми упреками. Она набрасывалась на мужчин, ее щеки заливала яркая краска, а темные глаза гневно сверкали. Она обвиняла их в том, что они “заходят слишком далеко” и “хотят одурачить ее мужа”» [Mosley, 1980, p. 49].

Дневниковые записи Анжелы показывают, что у нее выработалась зависимость от алкоголя и прописанных лекарств. Сару возмущало пристрастие матери к выпивке и таблеткам, и она яростно противилась подобным практикам среди сверстников. Однако Дэвид злоупотреблял как алкоголем, так и наркотиками, и был арестован за хранение марихуаны. Таким образом, зависимость Анжелы от психоактивных веществ оказала глубокое, хотя и противоположное влияние на двух ее детей.

Некоторые “матери-беспризорницы” тратят на детей больше денег, чем на самих себя. Анжела была постоянно в долгах, и ей

пришлось сократить число терапевтических сессий до двух в месяц, чтобы купить своим детям дизайнерскую одежду. Иные “беспризорницы” не могут перенести, чтобы их дети были чего-то лишены, так что рискуют своим финансовым благополучием ради того, чтобы те ни в чем не нуждались. Не исключено, что они будут баловать детей, поддавшись порыву и не учитывая долгосрочных последствий, от чего им не удастся отложить денег на образование в колледже.

“Беспризорница” не позволяет себе надеяться, что ее когда-нибудь полюбят. Она чувствует себя неполноценной и бесполезной, полагая, что может в лучшем случае только понравиться. Случается, что одинокие разведенные “матери-беспризорницы” вступают в отношения с мужчинами в попытке найти утешение. С началом каждого новых отношений с мужчиной Анжела пыталась защититься от грядущего разочарования: *“Неужели быть живой — действительно хорошо? Я могу разглядеть, пусть небольшую, но все же возможность того, что можно жить жизнью, за которую стоит умереть — наверное, я еще не знаю, каково это, но такая жизнь теплится, тлеет, она все же существует”*.

“Беспризорница”, вероятно, догадывается о том, что в ней нуждаются, и о том, насколько отчаянна ее потребность в любви, однако она не способна совладать со своей тревогой, что рано или поздно отталкивает от нее других людей. Она отдает себя полностью, а затем, когда ее бросят, она остается в одиночестве. Анжела писала: *“Иногда смерть кажется приемлемой альтернативой бесконечной боли от почти наскучившего повторения одних и тех же событий”*. Попытки “беспризорницы” найти утешение в страсти к алкоголю, наркотикам, денежным тратам, еде или сексу ведут к депрессии и усилению чувства вины.

Покинутость вызывает у них мысли о самоубийстве и ведет к необдуманным поступкам, опасным для матери и детей

Когда “беспризорнице” отказывают или покидают ее, она впадает в глубокую депрессию, которая может довести ее до мыслей о самоубийстве или подтолкнуть к членовредительству. Иногда “беспризорница” наносит себе повреждения, чтобы наказать себя или чтобы избежать душевной боли. Случается, что “беспризорницы” буквально избивают и режут себя, стучатся головой о стену

или вырывают себе волосы. Чувство покинутости временами доводит их до передозировки алкоголем или лекарствами, а также толкает их к иным необдуманным поступкам. Некоторые “беспризорницы” пытаются забыться, управляя автомобилем на высокой скорости. Как это ни трагично, но опасные для жизни ситуации возникают в том числе и на глазах у детей, которым иногда приходится спасать своих матерей.

Свойственный “беспризорнице” страх покинутости искажает ее восприятие при общении с другими, поэтому она может ошибочно решить, будто ее отвергли. Следующая запись из дневника Анжелы иллюстрирует чрезмерную чувствительность к покинутости и внезапное погружение в отчаяние: *“Он сказал, что позвонит, и не позвонил. Он не сказал, что позвонит прямо сегодня, но я поняла это именно так (и надеялась на это). Тебе опять придется столкнуться со тьмой, не испытывать страха и вступить с ней в борьбу. Она наступает/уже наступила”*.

Тот, кто не понимает всей силы чувств “беспризорницы”, вероятно, обвинит ее в склонности к театральности — и это может стать роковой ошибкой. Подобно многим людям с пограничным расстройством, Анжела не понимала, почему у нее возникают такие трудности в отношениях: *“Мои отношения подобны мячам, которые мне нужно ловить в отдаленной части поля. Они редко попадаются мне, а когда это случается, я так радуюсь и бросаюсь за ними так быстро, что промахиваюсь, или же пытаюсь схватить их, отчего они в лучшем случае проскальзывают у меня между пальцев, а в худшем — больно бьют меня, поскольку у меня нет достаточного опыта, и я не знаю, как их поймать”*.

Иногда после того, как “беспризорницу” покинут, у нее возникают мысли о самоубийстве. Это ясно видно в словах Анжелы: *“О Боже, у меня нет никого... совсем никого... и мою смерть никто не будет оплакивать”*. В этих словах со всей очевидностью проявляется склонность “беспризорницы” “забывать” о своих детях и недооценивать то, насколько сильно они ее любят. Анжела была убеждена, что она обуза для детей, и считала, что когда она умрет, те будут рады.

Не исключено, что дети “беспризорницы” станут опасаться за жизнь своей матери, так же как и за свою собственную. Вскоре

после того, как муж Анжелы объявил, что собирается разводиться, она посадила двоих своих детей в машину и попыталась съехать с моста. Дэвид и Сара были тогда еще дошкольниками, но у них сохранились неизгладимые воспоминания об этом случае. Взрослые дети “беспризорницы” зачастую страдают от высокой тревожности, если их мать имела склонность к подобным отчаянным поступкам. Однако нельзя забывать, что не все “беспризорницы” прибегают к членовредительству или испытывают суицидальные наклонности. Тем не менее, иногда отказ или покинутость служат толчком к необдуманным поступкам, способным по неосторожности поставить жизнь под угрозу или же напугать детей до смерти.

***Склонны то баловать детей,
то оставлять их без присмотра***

“Беспризорнице” кажется, что недостойна любви своих детей, поэтому она балует и защищает их. И тем не менее, она бессильна защитить их от боли, корнящейся в ее собственном сердце. Известно, что некоторые “матери-беспризорницы” отдают своих детей на попечение отцов, поскольку не считают себя достаточно хорошими матерями. С их точки зрения, они идут на крайнюю степень самопожертвования. С точки же зрения ребенка, мать его бросает.

Как и в случае со всеми людьми, страдающими от пограничного расстройства, “беспризорницей” движет потребность избежать покинутости. Таким образом, в отношениях со своими детьми она, скорее всего, будет стремиться упрочить привязанность, всячески им потакая. В то время как матери с другими типами пограничного расстройства бывают жесткими и властными по отношению к детям, “беспризорницы” склонны чрезмерно ослаблять контроль и баловать их. Не исключено, что, став взрослыми, такие дети будут испытывать трудности в общении с начальством, а также в том, чтобы получать отказ или выполнять равную часть работы. Дети же, взявшие на себя роль родителей, вероятно, приобретут навязчивую тягу к самодостаточности.

Исследователи в области теории привязанности утверждают, что большинство матерей, переживших неблагоприятную привязанность, “не разрывают порочный круг, а передают эффекты

неблагополучной привязанности своим детям” [West, Sheldon-Keller, 1994, p. 51]. Для “беспризорницы” характерен такой стиль привязанности к детям, при котором она боится потерять их. У нее, возможно, выработается тревожная сцепленность (enmeshment) с ними, что, в свою очередь, повредит их способности к построению здоровых отношений во взрослой жизни. Сын Шарлотты Дюпон, Альфред, был, согласно описанию, угрюмым и мрачным, “погруженным в себя и молчаливым из-за атмосферы ужасного напряжения, царившей в доме” [Mosley, 1980, p. 88]. В чем дети “беспризорницы” нуждаются более всего, так это в матери, которая заботится и о себе самой, и о них.

Склонны отказывать себе в удовольствиях

О. Кернберг указывает, что отказ от удовольствий — это возможная защита от страха перед страданиями [Kernberg, 1985], однако у “беспризорницы” это защита от страха перед надеждой. Надежда болезненна, поскольку ведет к разочарованию. Анжела объясняла: *“Нельзя сначала просто надеяться, а потом надеяться выжить, поскольку можно не пережить надежду или ее удары”*.

“Беспризорница” — спартанка и минималистка, которая считает, что она не заслуживает того, в чем нуждается. Ее детям, как правило, надоедает, что она не способна испытывать удовольствие или наслаждение. Случается, что взрослые дети приглашают “беспризорницу” в отпуск, покупают ей новую одежду или устраивают ей ужин, но при этом она либо отказывается от предложения, либо не получает удовольствия. В конце концов, дети прекращают дарить ей подарки и более никуда ее не приглашают. Что бы они ни делали, ее это не радует.

Дж. Гандерсон заметил, что людям с пограничным расстройством зачастую кажется, будто к ним дурно относятся и что сами они при этом попадают в положение жертвы [Gunderson, 1984]. “Беспризорница”, в частности, воспроизводит эти переживания через отказ от удовольствий и самопожертвование. Анжела описывала ощущение безысходности от собственной склонности к самопожертвованию: *“Мощная птица моей души время от времени восстает и яростно бьет крыльями в своей клетке до тех пор, пока не ломает их, и, вся в крови и синяках, она поникает,*

пока у нее снова не накопится достаточно сил, чтобы попытаться взлететь”.

М. Линехан указывает, что люди с пограничным расстройством “зачастую убеждены, что они не заслуживают ничего иного, кроме как наказания и страдания, и им трудно избавиться от этого убеждения” [Linehan, 1993а, р. 74]. Слова Анжелы перекликаются с письмом Шарлотты Дюпон своей тете: “Мне кажется, я проклята за дело” [Mosley, 1980, р. 57]. “Беспризорница” считает себя проклятой, обреченной на неудачу, несчастье и страдание. Она убеждена, что страдает заслуженно.

Сбегают от действительности в фантазию, ожидают сказочной жизни

Как правило, у “беспризорницы” богатое воображение. В результате того, что она самым печальным образом раз за разом оказывается в роли жертвы, она жаждет волшебного избавления от страданий, сказочного прекращения своих невзгод. Ее воображаемый мир заключен внутри ее сердца или ограничен рамками интимного дневника. Она мечтает выйти замуж за прекрасного принца, однако выбирает мужчин, которые эмоционально недоступны. Бывает, что дети презирают ее за это, но иногда они и сочувствуют ее печали и отчаянию. Анжела писала в своем дневнике: *“Вот бы у меня была родственная душа. Что, если у всех нас есть духовный двойник? Мой добрый ангел... мой принц, мой рыцарь. Будешь ли ты любить меня настолько, что примешь меня всю? И хорошую, и плохую”.*

Воображение для “беспризорницы” — способ бегства из своего пустынного мира. Луиза Каплан писала: “Они приходят в восторг, когда представляют себе, будто они совершенно довольны и о них прекрасно заботятся... но они чувствуют себя униженными и никуда не годными, когда лишаются этой благодати. Они идеализируют тех, кого могут заставить играть роль всеблагого и идеально заботливого супруга, кто позволял бы им поддерживать образ собственного совершенства” [Kaplan, 1978, р. 42]. К сожалению, идеализация быстро приводит к утрате иллюзий, поскольку реальные люди несовершенны, и разочарование нужно уметь переносить.

Раздают, теряют и ломают ценные вещи – они недолговечны

Поскольку “беспризорница” не считает себя вправе наслаждаться жизнью, она иногда отдает другим то, в чем нуждается сама. У “беспризорниц” есть поразительная способность — ломать и терять ценные вещи. Хроническая беспомощность приводит к неосмотрительности, отчего убежденность “беспризорницы” в том, что она недостойна хорошего, только крепнет. Случается, что она забывает запереть машину, теряет ключи от нее, не убирает кошелек на место, ломает электроприборы и по невнимательности оставляет нужные вещи здесь и там. Терапевты, возможно, заметят, что на использованных бумажных платочках у “беспризорниц” часто остаются следы слез.

Попытки обнадеежить “беспризорницу” могут показаться безнадежными. Тетя Шарлотты Дюпон как-то послала ей религиозную книгу, чтобы у той был хоть какой-то источник надежды. Шарлотта написала тете: “Не думай, что я тебе не благодарна, но с моей стороны было бы чистейшим ханженством читать слова Иисуса, когда я уже 10 месяцев не ходила в церковь и не открывала Библию — и не собираюсь делать этого впредь... Мне кажется, я проклята за дело, и, хотя трудно ни о чем не заботиться и ничего не ждать от будущего, я к этому уже практически привыкла” [Mosley, 1980, p. 57]. “Беспризорница” страдает от неспособности надеяться, потому что она не ждет, что хорошее продлится долго.

“Матери-беспризорницы” раздают ценные вещи еще и потому, что полагают, будто другие смогут лучше о них позаботиться. Анжела понимала, почему она не ожидала, что хорошее продлится долго. Кратковременное счастье ее детства внезапно завершилось, и в своих несчастьях она обвиняла саму себя. Грусть казалась более безопасной, чем гнев, и Анжела предалась самоотречению.

Шарлотта Дюпон во время приступов гнева крушила собственное имущество. Ступор, следовавший за такими вспышками, представлял собой состояние отрешенности от окружающего мира, при котором она испытывала жгучую ненависть к себе, вину и стыд. Такое поведение наглядно иллюстрирует беспомощность “беспризорницы”: она отрекается от самой себя.

Приступы рыданий, панические атаки и депрессии случаются чаще, чем вспышки гнева

“Беспризорница” подобна бабочке с жалом, поскольку она настолько же утонченна и ранима, насколько резка и ядовита. То, что она несчастна, очевидно каждому, кто находится с ней в близких отношениях. Фильмы, статьи, воспоминания, случайные разговоры или ее собственные мысли легко вызывают у нее приступы плача. Она запросто бросается в слезы, и происходит это часто и внезапно. Депрессия — ее верная спутница. Иногда панические атаки или приступы тревожности случаются с ней при общении с людьми — чаще всего тогда, когда ей нужно проявить свою компетентность. Несмотря на то, что в предсказуемых ситуациях “беспризорница” временами действует уверенно, ей приходится бороться с постоянной тревогой.

Поскольку “беспризорница” обвиняет в собственных невзгодах саму себя, то она, как правило, чаще грустит и беспокоится, чем впадает в гнев. По отношению к другим она станет, скорее, тревожной, параноидальной и подозрительной, нежели агрессивной. Ее приступы гнева придется терпеть, скорее, супругу, а не детям. Дети же, возможно, станут безразличными как к ее слезам, так и к “качелям” в отношениях. Не исключено, что они будут преуменьшать и обесценивать ее страдания, или же придут к выводу, что она манипулирует ими при помощи перемен в настроении.

Потеря или покинутость могут спровоцировать у “беспризорницы” психотическую реакцию. Когда партнер бросает или отвергает ее, она впадает в ярость и стремится уничтожить того, кто не смог любить ее идеальным образом. Психоз у “беспризорницы” проявляется в параноидальных мыслях, иррациональных страхах преследования и ужасающем чувстве одиночества. Случается, что “беспризорница” впадает в психотический гнев, однако чувство страха тоже способно довести ее до потери связи с действительностью. Когда свекровь Шарлотты Дюпон, прежде враждебно к ней настроенная, предложила помочь ей в уходе за детьми, та впала в безудержный гнев, а после погрузилась в депрессию. Вероятно, Шарлотта увидела в предложении свекрови подспудную мысль, будто она сама — никудышная мать. В любом случае, ее реакция

иллюстрирует чрезмерную чувствительность “беспризорницы” к критике и предрасположенность к психотическим эпизодам.

Сущность психотического эпизода выражена в дневниковой записи Анжелы:

.....

Итак, я прошла сквозь огонь, и что же осталось позади? Небытие. Пустынная, спокойная и неподвижная равнина небытия. Нет ничего хорошего, но и ничего плохого тоже нет, поскольку нет ничего. Я думаю, что, если не принимать в расчет то, что я могу писать, я погрузилась в легкую кататонию и испытываю декомпенсацию своей самости. Я не несчастна. Как можно быть несчастной, если ничего не чувствуешь? Это действительно приятное состояние, правда, я чувствую, что не могу встать с постели.

.....

“Беспризорница” погружается в депрессию целиком, что угрожает самому ее существованию. Отчаяние Шарлотты Дюпон отдаляло ее от собственных детей. Автор ее биографии писал: “Не то, чтобы она пренебрежительно относилась к детям — нередко бывали периоды, когда она со всей страстью посвящала себя им — но иногда она забывала об их существовании” [Mosley, 1980, p. 70; курсив К. Л.].

Заповедь “беспризорницы”: жизнь слишком трудна

Жизнь действительно трудна, однако “беспризорница” учит своих детей тому, что жизнь невыносимо трудна, так что не стоит и надеяться хотя бы чего-то добиться. “Беспризорница”, скорее, терпит жизнь, чем наслаждается ею, и дети, таким образом, переживают от нее чувство беспомощности и ощущение собственной несостоятельности. Испытывая вину перед матерью и страшаясь разлуки с ней, дети остаются к ней прикованными. Не исключено, что в зрелом возрасте у них возникнет навязчивое стремление к самодостаточности, либо же они окажутся в нездоровой привязанности к партнеру.

Поскольку жизнь для “беспризорницы” трудна, жизнь ее детей, вероятно, будет непростой. Случается, что взрослые дети берут на себя ответственность за финансовые неурядицы, медицинские счета, врачебный уход или оплату жилья для своей матери. Не понимая, какая помощь будет достаточной и как часто им следует посещать свою мать, они устают от вины и тревоги. В некоторых случаях, когда взрослые дети вступают в брак и обзаводятся собственными семьями, у них возникают конфликты с матерью на почве ревности. Со временем нередко возрастает взаимная обида.

Сообщения “матери-беспризорницы” своим детям

- “Тебе будет лучше без меня”.
- “Я не заслуживаю твоей любви”.
- “Не полагайся на меня, я ничем не могу тебе помочь”.
- “Ты достойнее меня”.
- “Обо мне никто не заботится”.
- “Моя жизнь намного хуже твоей”.
- “Тебе так везет”.
- “Позволь мне кое-что для тебя сделать”.
- “Меня использовали”.

“Беспризорница” отождествляет себя с другими жертвами, чья жизнь тяжела. Иногда она усыновляет приемных детей или же принимает друзей собственных детей, а также выбирает себе неблагополучных партнеров. Сострадание “беспризорницы” подлинное, однако у ее детей к этому двойственное отношение. С одной стороны, они, возможно, будут гордиться тем, что у них такая великодушная и социально ответственная мать. С другой же — не исключено, что они станут обижаться из-за того, что с этим ничего нельзя поделать.

Иногда у взрослых детей “беспризорницы” возникают проблемы с ощущением должного: бывает, что им кажется, будто им все все должны, либо же они чувствуют себя недостойными ничего. У “примерного” ребенка, который чувствует себя в ответе за благополучие матери, возможно, выработается магическое мышление

и ощущение всемогущества. Одна взрослая дочь вспоминала, как она купила в магазине новое платье в тот же день, когда ее мать пострадала в автомобильной аварии. Дочь соотнесла этот подарок самой себе с аварией, в которую попала мать, и сдала платье обратно в магазин. Этот акт самоотречения снизил тревогу, поскольку, будучи ребенком, она чувствовала, что выражать собственные нужды опасно. Так дочь “беспризорницы” сама стала “беспризорницей”.

Ослепленная собственной беспомощностью, “беспризорница” не видит ни следы разрушения, которые она оставляет за собой, ни дорогу впереди, способную привести ее к безопасности. Ее расстройство с трудом поддается лечению, и она, вероятно, подыщет себе терапевта, который будет скорее сочувствовать ей, а не помогать в личностном росте. Анжела бросала терапию всякий раз, как заводила новые отношения с мужчиной. Она держалась за свои фантазии о спасении со стороны идеального партнера, и ее пугала та надежда, которую давала терапия. Не исключено, что “беспризорница” бросит терапию, как только почувствует себя лучше. Ее, как бабочку, нужно с осторожностью держать на раскрытой ладони. Как терапевту, так и детям необходимо позволять ей упорхнуть.